

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОТГОННАЯ ФОРМА СКОТОВОДСТВА

Отгонная форма скотоводства была наиболее распространенной у армян различных областей. Основными центрами отгонного скотоводства были Сюник, Арцах, Лори, Тавуш, Вайоц-дзор, Ширак, Гехаркуник, Джавахк, Арагацотн, за исключением наиболее высокогорных их частей. Этнографическое изучение позволяет выявить специфику его в каждом из этих районов, которая проявляется прежде всего в производственном быту, масштабах хозяйства, основных чертах скотоводческой культуры.

Историко-этнографические районы Ширак, Гехаркуник, часть Джавахка в природно-климатическом отношении сходны. Рельеф здесь менее изрезан и средняя приподнятость поверхности, лишенной лесной растительности, составляет более 1500 м¹. Климат резко континентальный, с суровой и долгой зимой и прохладным летом. Значительные пространства в этих районах были издревле отведены под пашни и сенокосы. Возвышенные же части использовались в качестве пастбищ.

Другая группа районов значительно отличается от вышеперечисленных своими природными условиями. Сюник, Арцах, Тавуш, Вайоц-дзор, Лори при всем многообразии местных условий характеризуются рядом общих черт. Это, как правило, сильно изрезанные ущельями и долинами горные области, средняя высота которых достигает от 1400—1700 до 2000 м и более (Сюник, Арцах)². Климатические условия указанных районов более мягкие по сравнению с предыдущей группой: лето здесь прохладное, зима не очень холодная.

¹ См. А. Б. Багдасарян, Климат Армянской ССР, стр. 85—86; Атлас Армянской ССР, стр. 56.

² См. Атлас Армянской ССР, стр. 32. Исследователи считают Сюник наиболее изрезанным районом не только Армении, но и всего Закавказья (см. А. Б. Багдасарян, указ. раб., стр. 131; «Հայկական ՍՍՀ ֆիզիկական աշխարհագրություն», Եր., 1971, стр. 394—422).

Наличие леса в ряде частей Тавуша, Лори, Сюника и частично Вайоц-дзора и Арцах значительно смягчает климат³. Наличие больших пространств горных пастбищ (около 21 % всей площади Тавуша и Сюника⁴) обусловило существование развитого скотоводческого хозяйства, основанного на использовании сезонных пастбищ в разные периоды года.

Во всех указанных районах наиболее рациональное использование земель заключалось в сочетании земледелия со скотоводством⁵. Почвенные условия не позволяли заниматься земледелием без применения большого числа рабочего скота. Да и одно земледелие не приносило большого дохода ввиду низкой техники, а также неблагоприятных климатических условий (засуха, сильные ветры, проливные дожди и особенно градобитие в таких районах, как Тавуш, Лори, Арцах, Вайоц-дзор и др.⁶).

Там, где позволяли местные условия, пасе-

³ Так, около 46—47 % всей территории Тавуша покрыто лесом (А. А. Мигакьян, Растительность Армянской ССР, М., 1940, стр. 92).

⁴ См. там же, стр. 92 и сл.; «Армянская ССР», М., 1955, стр. 230.

⁵ См. А. Д. Ерицов, Экон. быт гос. крестьян Казахского уезда..., С. П. Зелинский, Экон. быт гос. крестьян в Шорагале..., стр. 4—45; А. А. Калантар, Состояние скотоводства на Кавказе, стр. 83—84, 87—91, 97, 111—118, 128—133; Х. А. Вермишев, Экон. быт гос. крестьян в Ахалцхском и Ахалкалакском уездах..., стр. 124—127; А. Г. Деконский, Экон. быт гос. крестьян в Западной части Шаруро-Даралагызского уезда..., стр. 652—654; А. В. Парвицкий, Экон. быт гос. крестьян северо-восточной части Новобаязетского уезда..., стр. 44—46 и др.

⁶ Так, в «Обзрении Российских владений за Кавказом» (ч. I, СПб., 1836, стр. 219) говорится, что «в некоторых местах, особенно близ сел. Карвансарая (ныне г. Иджеван.—Ю. М.), случается часто град, который иногда совершенно уничтожает труды земледельцев». См. также А. Тер-Маркаров, указ. раб., стр. 109.

ление занималось также садоводством, виноградарством, шелководством, огородничеством, пчеловодством, но все это за небольшим исключением «в размерах собственного потребления»⁷. Разнообразие природных условий обусловило и разнообразие культивируемых растений. Так, если в ряде высокогорных районов (Арагацотн, часть Ширака и др.) сеяли только яровой хлеб, то в Сюнике, Вайоц-дзоре и Тавуше сеяли и озимую пшеницу; в селениях Гехаркуника сеяли исключительно ячмень, поскольку пшеница при низкой температуре лета и его непродолжительности не дозревала.

Известная специализация видов разводимых животных также явственно прослеживается на материалах XIX в. Если в низменных частях Тавуша, Сюника и других держали

либо их кормление и выращивание приплода обходилось дорого, почему крестьяне и предпочитали покупать буйволов из таких мест, где выращивание и их содержание обходилось сравнительно дешевле⁸.

По сравнению с районами оседлого скотоводства (особенно долининого подтипа), в зоне отгонного скотоводства держали значительно больше мелкого рогатого скота, что объясняется, главным образом, более обеспеченной кормовой базой.

ГОДОВОЙ СКОТОВОДЧЕСКИЙ ЦИКЛ

Зимнее содержание скота. Разнообразие природно-климатических условий наложило отпечаток и на характер зимнего содержания

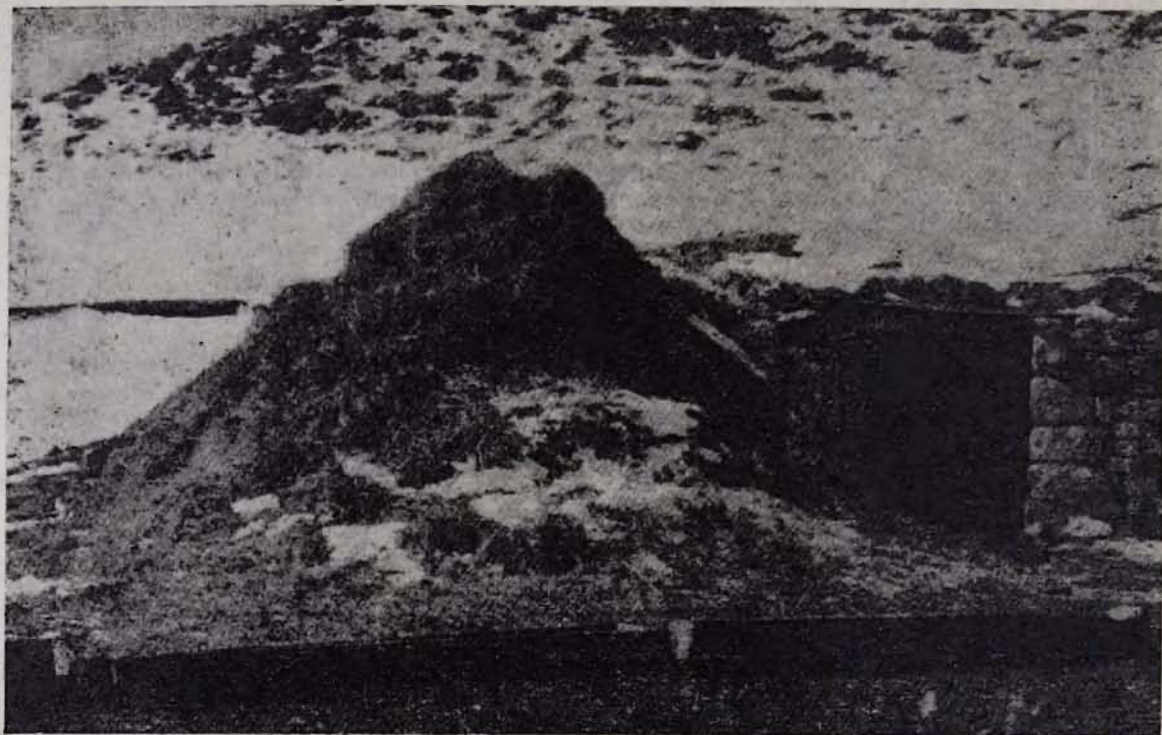

Рис. 7. Овчарня XIX в. Зимовник сел. Дзорагех Туманянского района Арм. ССР.

сравнительно значительное количество буйволов и буйволиц, то в Шираке, Арагацотне и Гехаркуинке буйволиц держали лишь наиболее состоятельные хозяйства. Здесь, по выражению информаторов, содержание буйволиц и буйволов было «роскошью», которую могли себе позволить лишь редкие хозяйства. Для получения молока содержали другие виды скота, а для приплода их было невыгодно держать,

скота в различных историко-этнографических районах Восточной Армении. Характернейшей особенностью зимнего содержания всех видов скота в селениях Ширака, Гехаркуника и Ара-

⁸ А. Г. Деконский писал, что во всем Вайоц-дзоре буйволов разводили в одном только армянском селении Кешипкент (ныне пос. Ехегнадзор), в остальных же селениях в качестве рабочего скота использовались волы (указ. раб., стр. 690); см. также А. А. Калантар, Состояние скотоводства на Кавказе, стр. 112.

⁷ «Кавказское сельское хозяйство», № 68, 1895.

танотна было содержание их в скотных помещениях, непосредственно примыкавших к жилой части. Комплекс жилых и хозяйственных построек за небольшим исключением совпадал с вышеописанным⁹.

Совершенно иную картину видим в селениях Тавуша, Лори, Сюника и, частично, Арцах и Вайоц-дзора. Здесь жилые помещения и хозяйственные постройки были расположены отдельно друг от друга, а если и строились они вместе, то обязательно с отдельным входом. Скотные помещения нередко строились вдали от селения, на расстоянии 3—10 км, либо в пределах наделов, либо на арендованных участках¹⁰. Поэтому в этих районах, в отличие от предыдущих, зимой скот (крупный и мелкий рогатый) содержался не только в селениях, но и в зимовниках (*ձմեռանիւր* — дзмеранпоц), удаленных от села, где возводили жилые и хозяйственные постройки, достаточно теплые, чтобы содержать скот и самим жить в течение всего зимнего периода. Материалы, собранные в различных частях Тавуша, Вайоц-дзора, Лори, Сюника и Арцаха, свидетельствуют о значительной распространенности практики содержания скота в зимовниках, удаленных от села, что указывает на большое хозяйственное значение их для местного скотоводства¹¹.

В распоряжении жителей большинства селений Тавуша, Лори и других было по несколько зимовников. Так, крестьяне с. Котнгех имели следующие зимовники — Гашхатала, Кипавер, Таналах, Амирхананц тнер; крестьяне с. Кохб — Гнаси кар, Порнаки гомер, Гамши гомер, Тапдзут, Авака бина, Ахнис, Бахадур, Бовер; крестьяне с. Калача — Чамчаанд, Салерк, Козман; крестьяне с. Берд — Тапдзут, Могос, Аваки Бина, Дурцалу, Эрац тала; крестьяне с. Кргн — Мехрао тала, Гозлук, Неркишена; крестьяне с. Бзовдал — Хотарка комер, Ибрахлу комер; крестьяне с. Дсех — Ацут, Ахегн, Хидзорохсн, Крватех, Салкут, Бематала, Матнанц урт, Прки тала, Кегут тала; крестьяне с. Гамзачиман — Цахкот урт, Ача-джур, Агри урт, Ахри зоман; крестьяне с. Дзорагех — Неркин Шбхоч, Бернн Шбхоч, Гераннер; крестьяне с. Лернапат — Гара Чобан, Урут, Ача юрт; крестьяне с. Ваагин — Мурадханлу, Заманлу, Хотатех; крестьяне с. Кишлаг — Джафари ко-

мер, Шлеркут, Айтарбек, Погоси комер и др.¹².

Аналогичные материалы засвидетельствованы в большинстве селений Сюника и части Джавахка и Вайоц-дзора¹³. Эти данные подтверждаются сведениями, содержащимися в литературе. А. А. Калантар, А. Д. Ерицов, Н. А. Абелов, Г. Осипов и другие¹⁴ указывали на практику использования зимовников, расположенных поблизости от деревни, в селениях перечисленных районов. С. П. Зелинский и Н. А. Абелов отмечали, что в зимовниках, обычно в защищенных местах, обращенных к солнцу, возводили скотные помещения¹⁵.

Южные склоны окружающих оз. Севан гор (*արկարկի* — арегунн) были пригодны для выпаса мелкого скота в малоснежную зиму. Поэтому многие сельские общества арендовали эти зимние пастбищные участки за подештинную плату и строили на них зимовники, использовавшиеся в течение многих лет. К их числу относились сельские общества сс. Чибухлу (ныне Цовагюх), Ахга (г. Раздан), Шайриз (Гехамаван), Карвансара (Атарбекян), Ддмашен, Рндамал (пос. Джрарат), Цахкунк, Басаргечар (пос. Варденис), Еранос, Гезалдара (Варденик), Золахач (Золакар), Кулашн (Кармир гюх), Перкин Караи луг (п. Мартунн) и др.¹⁶ Зимовники крестьян некоторых из этих сельских обществ были расположены в пределах паделов (Цовагюх, Варденик, Еранос, Кармир гюх) и находились в общественном пользовании; крестьяне же остальных селений пользовались зимовниками, расположенными на арендованных участках. А. В. Парвицкий в своей работе рассказывает об условиях аренды зимних пастбищ жителям селений Ддмашен, Джрараг, Цахкунк и др.¹⁷ Эти данные свидетельствуют о значительной распространенности практики содержания скота в удаленных от селений зимовниках, способы использования которых в каждом из этих районов были многообразны. Если

¹² См. там же, папка № 7, стр. 19, 23, 36—37, 51, 71—72 и др.

¹³ См. там же, папка № 4, стр. 31—35; папка № 12, стр. 27—28 и др.

¹⁴ См. А. А. Калантар, Состояние скотоводства на Кавказе, стр. 76, 89—90; А. Д. Ерицов, указ. раб., стр. 139; Н. А. Абелов, указ. раб., стр. 19—40; Г. Осипов, указ. раб., стр. 105; С. П. Зелинский, Экон. быт гос. крестьян в Запгезурском уезде..., стр. 17.

¹⁵ См. Н. А. Абелов, указ. раб., стр. 91; С. П. Зелинский, указ. раб., стр. 17.

¹⁶ См. Ю. И. Мкртумян, Полевые материалы, папка № 2, стр. 31 и сл., АОЭ.

¹⁷ См. А. В. Парвицкий, Экон. быт гос. крестьян северовосточной части Новобаязетского уезда ..., стр. 30—31, 66—67; *его же*, Экон. быт гос. крестьян юго-западной части Новобаязетского уезда..., стр. 351—352.

⁹ См. предыдущую главу, стр. 30—32.

¹⁰ См. Н. А. Абелов, указ. раб., стр. 19; А. Д. Ерицов, указ. раб., стр. 141 и сл.; С. П. Зелинский, Экон. быт гос. крестьян Запгезурского уезда..., стр. 17. В фондах ЦГИА имеются многочисленные материалы об использовании зимовников в указанных районах (см. ф. 130, оп. 1, д. 77, лл. 9—10, 12, 25—35, 57—66 и др.).

¹¹ См. Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папки № 1, 2, 3, 4, 5, 10, 14 и др., АОЭ.

в селениях Тавуша, Лори, Сюника зимовники предназначались для содержания как крупного, так и мелкого рогатого скота, то в селениях Гехаркуника и, частично, Вайоц-дзора—исключительно для мелкого рогатого скота. Указанные два типа зимовников имели различное хозяйственное значение для нужд местного скотоводства, вследствие чего и их влияние на быт населения также было различным.

В зимовниках Тавуша, Лори, Сюника и других крестьяне возводили различные постройки для крупного и мелкого рогатого скота, рядом с которыми строили помещения для людей. Скотные помещения строились по образцу тех, которые возводились в селениях. Помещения для крупного скота были выложены каменными плитами и имели небольшой скат для стока жижи; что же касается овчарен, то последние были ниже и проще хлебов, спаружья нередко напоминали земляные кучи. Жилые помещения были возведены из камней, имели деревянное перекрытие, а внутри были устроены камин (*բակ*—бухари) и дощатые нары (*թախ*—тахт). Зимой здесь жила та часть семьи, на обязанности которой было содержание скота.

В тех же зимовниках, где содержали исключительно мелкий рогатый скот (Гехаркуник и др.), возводили лишь овчарни, один из углов которых приспособляли под жилье.¹⁸ В отличие от предыдущих зимовников, здесь жили только мужчины, женщины приходили сюда лишь во время окота овец, так как в этот период за скотом требовался особо тщательный уход.

Летом и осенью в зимовниках заготавливали различные запасы кормов (сено, солома, жмыхи, отходы сельскохозяйственных продуктов и т. д.), которые скармливали скоту в течение всей зимы. В зимовниках корма давали мало: при малоснежной погоде как коров, так и овец пасли на ближайших пастбищных участках в течение нескольких часов (приблизительно с 10 ч. утра до 3—4 ч. дня), а перед загонем в скотные помещения давали немного корма. Овец выпасали даже при глубоком снеге, но таком, чтобы овца могла свободно передвигаться; только в особенно снежные и холодные дни последние получали сено. Поэтому не случайно, что в ряде мест Тавуша, Лори, Сюника и других зимнее стойловое содержание мелкого рогатого скота продолжалось около месяца, а

¹⁸ Некоторые овчарни, построенные еще в прошлом столетии, сохраняются до сих пор. Многие из них назывались по имени тех овцевладельцев, которые их построили и держали в них свой скот, как, например, Минаспгом (зимовник села Цовагюх—«Мец Аде»), Казаригом, Аракелигом, Закигом, Бидюгом (зимовник с. Золакар) и др.

коров—от 4 до 6—7 недель. Что же касается рабочего скота, то почти повсюду его держали в стойках не менее трех-четырех месяцев и как правило, в селениях, а не в зимовниках, что объясняется как стремлением обеспечить наиболее благоприятные условия для его содержания, так и тем обстоятельством, что в зимний период рабочий скот использовался для выполнения различных работ, как-то: доставка дров, перевозка тяжестей на арбах и др. Выпас других видов скота позволял экономить кормовые запасы, которыми с приближением весны усиленно откармливали рабочий скот.

При организации выпаса скота в районе зимовников практиковались некоторые формы взаимопомощи. Группа хозяйств, содержавшая свой скот в одном и том же зимовнике, при выводе его на пастбище составляла общие стада коров, овец и других видов скота, выпас которых поручался отдельным членам данной группы. Вечером каждый из крестьян отделял свой скот от общего стада и, подкормив слегка, загонял в скотные помещения. Такая практика содержания скота в зимовниках позволяла сравнительно незначительными силами организовать надлежащий уход за различными видами скота.

Однако в зимовниках держали скот наиболее состоятельные и большая часть середняцких хозяйств; бедняцкие же хозяйства все виды скота держали в селениях, в скотных помещениях, примыкавших к жилой части. Скотное помещение (гом) делилось на несколько отделений, в каждом из которых держали различные виды скота. Но и скот, который содержался в селении, в погожие зимние дни также выпасался на ближайших присельских пастбищах.

Интересно, что жители многих селений Тавуша, Лори, Сюника, Вайоц-дзора, Гехаркуника и других в пределах своих наделных земель имели пещеры, которые вплоть до января (а если климатические условия года благоприятствовали—до более позднего времени) использовались для содержания овец и коз: днем пасли на ближайших пастбищах, а на ночь загоняли в пещеру, где всегда было сухо и тепло. Мягкие горные породы легко поддавались обработке, и владельцы больших стад овец небольшие пещеры превращали в просторные помещения, где помещалась отара в несколько сот голов. Е. А. Лалаян отмечал, что в Вайоц-дзоре есть пещеры, в которых помещается стадо в 500 овец.¹⁹ Эти пещеры получали свои названия от имени тех овцевладельцев, которые содержали в них свой скот. Так,

¹⁹ См. «Աղագրութիւն Հայկէս», кн. XI, Тифлис, 1905, стр. 246.

на приселенских пастбищах с Сарухан (Гехаркуник) были известны следующие пещеры: Бабенц Петросянзага, Дарбионц Аветякизага, Дарбионц Егиазаризага, Тер-Казаранцзага; на присельских пастбищах крестьян с Гидеваз (Вайонц-дзора) — Мадон кяхен, Вардазаренц кяхен, Теллини кяхен, Ахпрп кяхен и др.²⁰

Однако скальные помещения использовались не только для содержания мелкого, но и крупного рогатого скота, а иногда и служили жильем для людей. В этом отношении большой интерес представляет комплекс жилых и хозяйственных построек в ряде мест Сюника, где селения были расположены в труднодоступных ущельях. Классические образцы такого комплекса засвидетельствованы в селении Хидзореск. Здесь не только скотные, но и жилые помещения были выдолблены в скалах. Жители Хидзореска шутили, говоря, что их селение состоит из 3—4-этажных домов. И они были правы. У самой подошвы скалы выдалбливалось помещение, предназначенное для скота. Затем выдалбливалось помещение несколько выше первого, которое отводилось под жилье, и, наконец, еще выше устраивали саманинк (*թանիկ* — тарр), где хранили сено и солому²¹. Эти жилища назывались (*քիւղի* — керци тош (арм. букв. дом в скале).

В рассматриваемых районах существовали различные способы обеспечения скота водой. В селениях Ширака, Арагацотна, большей части Гехаркуника, где уровень подземных вод был достаточно высок, рыли водоемы (джрхор), там же, где таковые условия отсутствовали, поили скот снеговой водой (сс. Солтак, Неркиш Ахта, Цахкашен и др.). В преобладающем большинстве селений Тавуша, Лорп, Арцах, Вайонц-дзора поили скот родниковой или речной водой, независимо от того, где содержали скот, в зимовнике или селении²².

²⁰ См. Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка №3, стр. 22; папка №14, стр. 57 и др. АОЭ. Интересно отметить, что пещеры, выдолбленные людьми, в отличие от естественных пещер («караир», «эр» и др.), в Сюнике и Вайонц-дзоре назывались *թանիկ* (кяхен).

²¹ Перед входом в саманинк («тарр») укреплялась балка и при необходимости подняться в него забрасывали веревку через эту балку и, держась за оба ее конца, поднимались в саманинк.

²² Оригинальный способ подведения родниковой воды к скотному помещению засвидетельствован в гехаркуникском селении Варденик. От родника по всему селению были проведены каналы, от них каждый крестьянин проводил небольшую канаву к своему скотному помещению, в одном из углов которого был поставлен большой каменный приемник (гурр). Вода по этой канаве поступала в приемник и после его заполнения пуск воды прекращали, для чего перекрывали проход из центрального канала. Каналы эти сверху были покрыты каменными плитами и засыпаны сверху землей для пре-

В лесных районах Тавуша, Арцах, Сюника, Джавахка и Лори нередко выпасали скот в лесу, где его кормили ветками и молодыми побегами. Особенно часто к этой практике прибегали в годы бескормицы, чтобы спасти скот от гибели²³.

Однако в случае большой нехватки кормов и неблагоприятных климатических условий года многие крупные овцевладельцы Тавуша, Сюника, Вайонц-дзора, Арцах и Джавахка гнали скот на низменности, где за особую плату арендовали отдельные пастбищные участки. По данным А. Д. Ерицова, жители ряда селений Тавуша — Веринц Агдан, Ачаджур, Ахум, Баганис, Джархеч, Карадаш (ныне с. Севкар), Калача, Котигех, Кохб, Ревазлу и др., — арендовали на более или менее продолжительные сроки пастбищные места для зимнего выпаса скота²⁴. Материалы, собранные в различных селениях Тавуша, показывают, что чаще всего местные овцеводы перегоняли скот в Караязские степи (на берегу реки Куры), где выпадало сравнительно мало снега и поэтому имелись возможности выпаса скота в зимний период без дополнительной подкормки. Соглашения заключались либо с отдельными богачами, владельцами пастбищных участков, либо с сельскими обществами²⁵.

А. А. Калантар отмечал, что в Сюнике в 80-х годах XIX в. было «известно множество селений..., где оседлое нагорное население в годы зимней бескормицы перегоняет скот зимой на низменность»²⁶. Однако исследователи подчеркивали, что перегон мелкого рогатого скота на низменность имел место «в иные неурожайные годы», а не перподически²⁷.

дохранения воды от загрязнения. Эту систему подведения воды к скотным помещениям местные жители называли *թիւղի* (кизи). В работе А. Тер-Маркарова, посвященной описанию села Гезалдара (ныне Варденик), мы находим прямые указания на существование этой системы в 1893 г. (см. его работу, стр. 112). Автор писал, что здесь были «проведены подземные каналы почти по всему селению».

²³ См. И. Сегаль, указ. раб., стр. 142 и сл.

²⁴ См. А. Д. Ерицов, указ. раб., стр. 148.

²⁵ У части азербайджанцев зимние и летние пастбища были распределены между различными группами (во главе с обабаши). На эти участки сельская община, как таковая, никаких прав не имела, и обабаши, будучи полновластным представителем всей группы, нередко вступал в частные переговоры с отдельными овцевладельцами из других районов и за особую плату допускал выпас чужого скота на подвластном ему пастбищном пространстве.

²⁶ А. А. Калантар, Состояние скотоводства на Кавказе, стр. 2.

²⁷ См. М. А. Скибницкий, указ. раб., стр. 48—51; Н. Ширакуни, указ. раб., стр. 188—192; С. П. Зелинский, Экон. быт гос. крестьян в Зангезурском уезде..., стр.

Аналогичные материалы засвидетельствованы и в ряде селений Вайоц-дзора (Хачик, Мартирос, Ехегис, Гидеваз и др.) и Джавахка (Гандза, Эштиа, Мец Арагял и др.). Жители первых гнали своих овец на пастбища, расположенные близ г. Нахичевана; жители же Джавахка—на зимние пастбища Яхлиджа, что в пределах нынешнего Сигнахского района Грузинской ССР²⁸.

По свидетельству армянского историка Мовсеса Каганкатваца, население Сюника и других областей Восточной Армении еще в средневековье практиковало отгон овец на зимние пастбища, расположенные вне пределов страны. Говоря о нашествии гуннов, автор отмечал, что «перейдя на эту сторону Куры и на берега Аракса, (гунны—Ю. М.) собрали и увели в плен в свой лагерь не только туземцев, но и из области Араратской и из страны Сюниев пришедшие на зимний корм стада овец и скота»²⁹, что, по всей видимости, указывает на древние традиции практики отгона мелкого рогатого скота на отдаленные зимние пастбища.

При отгоне скота на отдаленные зимние пастбища сами хозяева, как правило, на эти пастбища не отправлялись, поручив скот наемным пастухам; лишь крупные овцевладельцы посылали вместе с пастухами одного из членов своих семей. Поэтому отгон мелкого рогатого скота на эти пастбища при всей его необходимости в отдельные годы все же не затрагивал многих сторон быта местного населения; этого нельзя сказать об отгоне скота в другие периоды года (весной и летом).

Подытоживая вышесказанное, можно заключить, что многообразие природно-климатических условий обусловило в значительной степени различные способы зимнего содержания скота у армян различных историко-этнографических районов. В преобладающей части Ширака, Гехаркуника, Арагацотна и Джавахка практиковалось стойловое содержание всех видов скота в самом селении; в селениях же Тавуша, Лори, Сюника, Вайоц-дзора, Арцаха широкое распространение получила практика содержания скота в зимовниках, расположенных в 2—10 км от села. Здесь в зимовниках содержали мелкий и крупный рогатый скот (за исключением рабочего), а также свиней, что немало увеличивало значение зимов-

ников в этих районах. Эта система содержания скота названа нами подтипом «дзимераноц» ввиду большого хозяйственного значения зимовников в годовом скотоводческом цикле, а также их влияния на многие стороны быта местного населения.

В отдельные, неблагоприятные в кормовом отношении, годы жители ряда селений Тавуша, Сюника, Вайоц-дзора, Джавахка и других практиковали отгон мелкого рогатого скота на отдаленные зимние пастбища, расположенные в пределах Грузии и Азербайджана. Однако к нему прибегали лишь немногие хозяйства и не каждый год.

Весеннее содержание скота. В интересующих нас этнографических районах выявлены две основные особенности весеннего содержания скота. Жители Тавуша, Лори, Сюника, Арцаха и других, содержавшие скот в селениях или зимовниках, с наступлением весны ареал выпаса скота здесь значительно расширяли за счет освобождающихся из-под снега новых пастбищных участков. В безлесных районах (Ширак, Гехаркуник, Джавахк и др.) только в марте-апреле переводили скот со стойлового содержания на пастбищное. Выпас скота производился на присельских пастбищах, а также на покосах и паровых землях.

В этот период скот еще подкармливали сухими кормами и лишь с середины или конца апреля прекращали подкормку, так как к этому времени появлялась достаточно высокая трава, удовлетворявшая кормовые потребности скота. Лишь новотельный скот продолжал получать подкормку (ячменную кашу, отходы огородных культур и др.).

Окот и отел происходил либо в селении (Ширак, Гехаркуник, Джавахк и др.), либо в зимовнике (Тавуш, Арцах, Лори, Сюник и др.). В этот период работа пастухов особенно осложнялась, поэтому в тех местах, где овец и коров содержали в зимовниках, на подмогу к пастухам нанимались свободные от полевых работ члены семьи. Уход за новорожденными ягнятами и телятами в указанных селениях, за небольшим исключением, аналогичен описанному, здесь лишь отметим, что особенность заключалась в том, что в районах отгонного скотоводства уже в этот период начинали подготовку к перегону скота на горные пастбища. Она заключалась в том, чтобы хорошо подкормить исхудалый за зиму скот и приучить молодняк к этому перегону. Новорожденных ягнят уже на истечении недели приучали к подножному корму, выпасая в первое время на ближайших пастбищах, затем увеличивали маршруты перегона. С мая маток доили, а ягнят выводили на пастбища отдельной отарой.

Несколько своеобразная практика весен-

98—99; Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка № 6, стр. 25—30 и др., АОЭ.

²⁸ См. Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка № 10, стр. 7—8; папка № 18, стр. 47, 54 и сл., АОЭ.

²⁹ Мовсес Каганкатвацц, История агван, СПб., 1861, стр. 153.

ного содержания чедкого рогатого скота сложилась в селениях Арагацотна и в части Ширака (преимущественно территория нынешних Аниинского и Артикского районов). Здесь с наступлением весны большинство овцевладельцев посылало свой скот на ранневесенние пастбища, так называемые *աղտաշիր* (агутнер) или *աղտաշիր* (анджрдн охер) — солончаки, безводные пространства, расположенные в низменных и предгорных частях Араратской долины, — в пределах Аниинского, Эчмяздинского и Талинского районов. За определенную плату арагацотские и ширакские овцевладельцы с начала марта по 15—20 мая занимали пастбища, выплачивая с головы вынуждаемого скота по 5—10 коп. (в зависимости от кормовых условий данного года)³⁰.

На ранневесенние пастбища, удаленные от селений на несколько десятков километров, вместе с пастухами спускались и сами крестьяне для надлежащего ухода за скотом, особенно за новорожденными ягнятами, так как пастухи, ввиду многочисленности стада, не успевали своевременно присматривать за каждым новорожденным ягненком.

На арендованных участках жители ширакских и апаранских селений, пригнавшие скот, возводили из камня и дерева³¹ жилые (*բրդի* — колик) и скотные (*դառնաշիր* — гарнапоц) помещения. Здесь крестьяне практиковали различные формы сотрудничества. Хозяиства, входившие в одну группу, или сообщество, договаривались о совместном строительстве жилых и скотных помещений. Такая кооперация позволяла организовывать уход за скотом сравнительно небольшим числом рабочих рук: обычно от каждой семьи на ранневесенние пастбища отправлялся один или два члена, в зависимости от количества скота³².

Слабых, а также новорожденных ягнят в первое время держали в ягнятнике. По истечении первых трех-четырех недель овец начинали донть. В благоприятные в кормовом отношении годы, когда овцы давали много молока, ширакские и арагацотские крестьяне продавали его армянскому населению близлежащих

селений (Ошкан, Срванджух, Самагар и др.) или же меняли на водку, вино и др. Особенно охотно приобретали здесь сыр из цельного овечьего молока, ценившийся довольно высоко.

Приблизительно в середине мая овец и молодняк нового года пригоняли в селение и пастбища на ближайших выгонах и пастбищах, где к тому времени успела подрасти свежая трава. В день два раза скот пригоняли в селение для дойки; в тех же местах, где практиковали однократное доение (Тавущ, Сюник, Арцах и др.) — скот пригоняли раз в сутки, в полдень. В ряде селений (Сарнахпюр, Гусанагюх и др.) овец доили не в самих селениях, а на некотором отдалении от них, на пригодных для этого ровных местах, известных под названием *բրդաշիր* (бератех). От каждой семьи к месту доения шли один-два человека (преимущественно женщины), забрав с собой необходимую посуду: подойник и большую глиняную посуду (*բրդի* — бхик), куда вливали надоевшее молоко.

Перегон скота на ранневесенние пастбища информаторы объясняли необходимостью обеспечения мелкого рогатого скота достаточным кормом, так как зимние кормовые запасы и присельские пастбища приберегали для крупного рогатого скота. Показательно, что если крупный рогатый скот держали все или почти все домохозяева, то содержание овец в указанных селениях Арагацотна и части Ширака было уже фактически признаком определенного достатка и было под силу только состоятельным хозяйствам. Поэтому с наступлением весны, чтобы овцы не вытоптали молодую траву, обрекая на голод крупный скот, в ряде селений, где присельские кормовые условия были ограничены, сельский сход запрещал пастись овец в пределах наделов. Так, в сс. Сарнахпюр, Ором и других в 80-х годах прошлого столетия было всего несколько крупных овцеводов, которые перегоняли свой скот на ранневесенние пастбища Араратской долины³³. И не случайно замечание А. А. Калантара, что в селениях Ширака и Арагацотна «зачастую замечается постоянное недовольство между хозяевами, имеющими овец и не имеющими их». И далее: «в с. Согитлю (ныне Сарнахпюр Аниинского района. — Ю. М.) неовцеводы до того недовольны овцеводами, что рады принять на себя какую-нибудь повинность, лишь бы избавиться от их овец и от связанных с их содержанием неприятностей»³⁴.

Однако не всегда удавалось арендовать

³⁰ См. А. А. Калантар, Алагезские казенные летние пастбища..., стр. 105—106; Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка № 8, стр. 2; 15—21; папка № 16, стр. 26—45, АОЭ.

³¹ В мае, перед возвращением в свои селения, арагацотские и ширакские скотоводы деревянные части своих жилищ и ягнятников разбирали и отдавали до следующего года знакомым, живущим в районе этих пастбищ.

³² Овец начинали донть незадолго до возвращения в свои селения, а изготовлению молочных продуктов в этот короткий период не придавалось большого значения.

³³ См. Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка № 8, стр. 14—34, АОЭ.

³⁴ А. А. Калантар, Алагезские казенные летние пастбища..., стр. 143.

необходимые пастбищные участки. А. А. Калантар писал, что аренда ранневесенних пастбищ была связана с рядом трудностей, что «отбивает охоту у крестьян заниматься обширным овцеводством, вследствие чего многие сокращают число овец до такого размера, чтобы можно было их прокормить стойловым кормлением в самих селениях».³⁵

Таким образом, видимо, эти два обстоятельства (недостаток кормовых условий и решение сельского суда) и способствовали сложению своеобразной практики отгона мелкого рогатого скота на ранневесенние пастбища.

Итак, почти повсюду у армян в содержании крупного рогатого скота наблюдается много общего. С потеплением погоды и появлением сочной растительности на присельских пастбищах, лугах и паровых полях крупный дойный скот вынасли на них, независимо от того, содержали их в зимовниках или в самих селениях. Причем дачу зеленого корма увеличивали постепенно, во избежание заболевания скота³⁶; рабочий же скот всю весну содержался исключительно на сухом корме.

В содержании же мелкого рогатого скота наблюдается большое разнообразие. В одних частях Восточной Армении (Гехаркуник, большая часть Ширака и др.) практиковалось содержание мелкого рогатого скота на присельских выгонах и пастбищах; в других (Тавуш, Лори, Сюник и другие)—как в районе зимовников, так и на ближайших присельских пастбищных участках и, в третьих (Арагацоти, часть Ширака, прилегающая к горной системе Арагац), практиковали отгон мелкого скота на отдаленные от основных поселений ранневесенние пастбища. Такое разнообразие в системе содержания мелкого рогатого скота объясняется на столько природными условиями, сколько удельным весом этой отрасли скотоводства в хозяйстве населения различных частей Восточной Армении.

Последнюю, третью систему содержания мелкого рогатого скота целесообразно выделить в отдельный подтип отгонного скотовод-

ства—подтип «агутнер», тем более, что и летнее и осеннее содержание скота в этой зоне (Арагацоти, часть Ширака) также отличалось целым рядом особенностей.

Летнее содержание скота. В преобладающем большинстве селений Тавуша, Лори, Гехаркуинка, Ширака, Вайоц-дзора, Сюинка, Джавахка и Арпах скот содержался на горных пастбищах, расположенных от основных поселений на сравнительно близком расстоянии. Лишь в исключительных случаях армяне ряда селений Ширака (как, например, Гусанягюх, Азатан и др.) пользовались пастбищами, отстоявшими на расстоянии 20—40 км от села. Литературный материал показывает, что армяне пользовались пастбищами, «расположенными вблизи от их наделных земель» или «в смежности с ними»³⁷, в то время как многие азербайджанские и курдские скотоводы, пасшие скот на летних пастбищах Восточной Армении, пригоняли скот из местностей, удаленных от летних пастбищ на 100 и более километров³⁸. Это обстоятельство, естественно, накладывало известный отпечаток как на саму систему скотоводства, так и на многие стороны быта населения.

Значительные пространства горных пастбищ Восточной Армении составляли государственный фонд и лишь небольшая часть их находилась в частном владении. В первое время после присоединения Восточной Армении к России налог на право пользования пастбищами был расписан не на пастбища, а на поголовье скота. К середине 80-х годов население стали облагать налогом за пользование определенным пространством пастбищ, известным под названием *шрпшцшрд* (аротавардз)³⁹. При этом следует обратить внимание на два обстоятельства. Первое состоит в том, что пастбищам Восточной Армении, наряду с армянами, пользовались также курды, азербай-

³⁷ См. А. В. Парвицкий, Экон. быт гос. крестьян северо-западной части Шарура и восточной части Даралагяза..., стр. 179; С. П. Зелинский, Экон. быт гос. крестьян в Шорагяле..., стр. 26—27; А. Д. Ерицов, указ. раб., стр. 124; И. Григоров, указ. раб., стр. 106 и сл.; А. А. Калантар, Состояние скотоводства на Кавказе, стр. 133; его же, Алагезские казенные летние пастбища..., стр. 93; Ф. Т. Марков, указ. раб., стр. 66.

³⁸ См. И. И. Калугин, указ. раб., т. I, стр. 195—200; А. Д. Ерицов, указ. раб., стр. 124; А. А. Гласко, Казенные летние пастбища Тарсачайского и Акстафинского районов Казахского уезда Елисаветпольской губернии, МУКЛЗПИСК, т. 3, стр. 226 и сл.; ЦГИА, ф. 130, оп. I, л. 1045, л. 8—9, 22—24, 39, 43—45, 70—72, 261 и др.

³⁹ «Аротавардз»—арм., от «арот»—пастбище и «вардз»—плата, плата за пастбище. Во многих частях Закавказья этот налог был известен и под названием «сабалахо» (от груз. «балахи»—травы).

³⁵ Там же, стр. 106.

³⁶ Информаторы сообщали, что ранней весной у коров после пастбы иногда распухал живот. Эту болезнь в Тавуше называли *дрбди* (цицер), в Шираке *շիշիլիլը* (шахуруцк) или *գիշիլիլը* (гешуруцк). Способы ее лечения были различны. Обычно пускали кровь или давали пахту. В с. Сарнахпюр корове давали выпить закваску (для приготовления сыра). Однако, наряду с чисто рациональными способами, нередко прибегали и к иррациональным приемам. Так, в с. Калача (Тавуш) туловище коровы обвязывали красной шерстяной ниткой, с тем чтобы исцелить ее от недуга (см. Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка № 8, стр. 24; папка № I, стр. 48, АОЭ).

байджанцы и грузины различных областей Закавказья. Другая особенность состоит в том, что горные пастбища были неравномерно распределены между сельскими обществами, что самым неблагоприятным образом сказывалось на развитии местного скотоводства. Больше того, сплошь и рядом, как указывали в 80-х годах XIX столетия исследователи пастбищ Восточной Армении, установленного порядка пользования пастбищами не было⁴⁰. Распределение пастбищ нередко не объяснялось никакими хозяйственными соображениями, а было следствием хаоса и беззакония. А. А. Калантар писал, что часто «отношения между селениями и кочевниками обострены и определяются перевесом физической силы одной стороны»⁴¹. В этих условиях не только замедлялось развитие скотоводческого хозяйства, но и трансформировались формы скотоводства.

Формы пользования пастбищами у армян, по сравнению с соседними курдами и азербайджанцами, отличались целым рядом особенностей. У армян, основой хозяйства которых было земледелие, уже с древнейших времен разделу подлежали лишь пашни и покосы, а пастбища и другие угодья находились в общинном пользовании⁴². Этот обычай практиковался в течение многих столетий и дожил до XX столетия. В 1880-х годах С. П. Зелинский писал, что армяне пользуются пастбищами «нераздельно, свободно и неограничено»⁴³. Так же определенно высказался А. А. Калантар, подчеркивая, что «у армян на пастбищах продолжают те же порядки, которые соблюдаются в селении относительно выгонной земли»⁴⁴. Однако частая смена летовок не была известна в практике армянского крестьянства, что объясняется специфическими условиями жизни на горных пастбищах, на чем мы остановимся несколько ниже. Плата за казенные горные пастбища, находившиеся в распоряжении того или иного сельского общества, распределялась между всеми хозяйствами, пользовавшимися ими, соответственно количеству скота, принадлежавшего каждому из них. Скотоводы имели право свободного выбора от-

дельных пастбищных участков для выпаса собственного скота без ограничения.

Лишь в исключительных случаях имело место распределение летних пастбищ и летовок, когда отдельные пастбищные участки временно закреплялись за отдельными группами скотовладельцев. Так, в с. Карзах (Джавахи) в последней трети XIX в. практиковался следующий порядок использования летних пастбищ. Все селение территориально делилось на три квартала, принадлежавшие сельскому обществу, три летовки периодически распределялись по жребию между различными кварталами. В этом случае крестьяне каждого квартала должны были пастись свой скот на той летовке, которая досталась им по жребию. По истечении условленного срока вновь бросали жребий. Подобная система использования летних пастбищ сложилась потому, что эти летовки значительно отличались по качеству пастбищного корма, поэтому для каждого хозяйства не было безразлично, где выпасать скот, и во избежание как чрезмерного вытаптывания одних пастбищных участков, так и частых споров по их использованию прибегали к вышеописанной системе их использования. Однако и этот порядок в принципе не расходится с общинной формой пользования пастбищами, столь характерной для армянской деревни.

Для курдов и кочевых азербайджанцев жизненно важные пространства составляли пастбища, и именно они подлежали разделу и закреплению за отдельными группами скотовладельцев. Пастбищные участки в ряде мест огораживались друг от друга бороздами, проводимыми ралом или же кучками камней⁴⁵. Разница, существовавшая между различными народами и даже отдельными группами одного и того же народа в формах пользования пастбищами, являлась результатом своеобразия их хозяйственной и социальной жизни. Так, если азербайджанцы кочевых обществ Чобаикяра, Колубеклю, Ильхорух и других делили пастбища на отдельные участки и закрепляли их за отдельными группами, то оседлые азербайджанцы, занимавшиеся в широких размерах земледелием, пользовались пастбищами целыми обществами⁴⁶. Здесь отчетливо видно, как форма хозяйства изменяет форму пользования пастбищами, а последняя, в свою очередь, оказывает влияние на характер организуемых сообществ по выпасу скота.

Пастбищный сезон в горах начинался в мае-июне (в зависимости от климатических условий данного горного массива) и продол-

⁴⁰ См. А. В. Первицкий, Экон. быт гос. крестьян северной части Шарура и восточной части Даралагяза..., стр. 128—129; Ф. Т. Марков, указ. раб., стр. 60. См. также ЦГИА, ф. 130, оп. I, л. 77, л. 83.

⁴¹ А. А. Калантар, Состояние скотоводства на Кавказе, стр. 100—101, 133 и др.

⁴² См. Հայ Ժողովրդի պատմություն, 4. I, Երևան 1963, стр. 272—273.

⁴³ С. П. Зелинский, Экон. быт гос. крестьян в Шоряплсе..., стр. 16—17.

⁴⁴ А. А. Калантар, Алагезские казенные летние пастбища..., стр. 90.

⁴⁵ См. А. Г. Деконский, Экон. быт гос. крестьян в Шушинском и Джебраильском уездах..., стр. 261.

⁴⁶ См. А. А. Калантар, Алагезские казенные летние пастбища..., стр. 90.

жался в течение трех летних месяцев. Сравнительная близость летних пастбищ обусловила непродолжительность перегона, который обычно занимал один-два дня. Тем не менее, продвижение по узким горным тропинкам, через быстрые горные реки было сопряжено с большими трудностями, и успех перегона во многом зависел от умелости и опытности пастухов, а также подготовленности стада к перегону⁴⁷.

Крестьяне из года в год пользовались одними и теми же пастбищными участками, что способствовало выработке традиционных путей следования на пастбища; рассмотрение этих маршрутов представляет значительный интерес с точки зрения выявления контактов между жителями различных районов и селений. Это тем более важно, что летними пастбищами Восточной Армении пользовались также азербайджанцы, курды, грузины, общение с которыми не могло не привести к некоторым хозяйственно-культурным взаимовлияниям.

Традиционные маршруты перегона скота на летние пастбища Восточной Армении можно разделить на следующие большие категории — маршруты, служившие надобностям жителей одного селения («малые маршруты»); маршруты, служившие надобностям жителей целой группы селений («средние маршруты») и маршруты, служившие надобностям жителей селений нескольких районов («большие» или, как характеризовал М. А. Скибницкий, «магистральные маршруты»)⁴⁸. Малые, средние и магистральные скотопрогонные маршруты за-

свидетельствованы в различных историко-этнографических районах — Тавуше, Лорп, Сюнике, Шираке, Арагацотне, и др.⁴⁹.

Многие армянские селения непосредственно прилегали к горным пастбищам, поэтому их жители пользовались кратчайшими путями, известными только им. Такие маршруты засвидетельствованы нами в сс. Енокаван, Тала, Верин Агдан, Джархеч и других в Тавуше; Хачик, Мартирос, Гидеваз, Ехегис, Кечут и других в Вайоц-дзоре; Личк, Татев, Караундж, Лернашен и других в Сюнике; Лчашен, Еранос, Сарухан, Дзорагех и других в Гехаркунике; Дсех, Одази, Дзорагех, Гамзачиман, Бзовдал и других в Лори и т. д.⁵⁰ Интересно отметить, что некоторые селения на одну и ту же летовку имели по две и более дорог, и, как правило, одна из них была приспособлена исключительно для вьючного, а другая — колесного транспорта.

Скотопрогонные маршруты второй категории, в отличие от первой, были более или менее хорошо знакомы жителям окрестных селений и, как показывают материалы, в каждом историко-этнографическом районе таких маршрутов было не более двух-трех. Их количество находилось в зависимости от местоположений как пастбищного массива, так и самих селений. В северной и южной частях Тавуша было известно два традиционных скотопрогонных маршрута, по которым жители различных селений перегоняли свой скот на летние пастбища и обратно. Один из них был в пределах нынешнего Шампадинского района и им пользовались жители селений Берд, Навур, Товуз, Чинчи, Ахум, Неркин-кармир ахпюр и др.⁵¹ Другой — в пределах нынешнего Ноемберянского района, и по нему перегоняли свой скот жители сс. Варана (ныне пос. Ноемберян), Калача, Кохб, Баганис, Арчис, Джуджеван, Кошкотан и др.⁵²

Целый ряд ширакских селений — Каракилиса (ныне Ахурик), Мец Сариар, Ортакилпса (Маисян), Дарбанд (Кармракар), Джаджур и др. — для отгона скота на летовку использовали дорогу, проходящую через земли сельских обществ Покр Сариар, Кефли, Гетик. Жители другой группы селений — Дузкепд (пос. Ахурия), Азатан, Карнут, Тападолак (Аревик) и другие — пользовались дорогой, проходящей через земли жителей с. Чрахли⁵³.

⁴⁷ Составной частью подготовки скота к пастбищному содержанию являлось мечение скота, что вызывалось необходимостью различать свой скот в случае создания общих стад, потери скота и т. д. Формы и способы меток, наносившихся на различные виды скота, были многообразны. Не вдаваясь в детальное изучение их (что выходит за рамки настоящей работы), отметим, что существовали два основных способа нанесения меток — выжиганием (*հարակ* — харум или *դամբակ* — дамбум) и прорезыванием ушей (*դրոշմել* — трошмел или *շշմի անել* — шшми анел). Метки эти представляли знаки семейной собственности и в каждом селении отдельные семьи имели формы меток, которые передавались из поколения в поколение. Их сравнительно-типологическое изучение может привести к интересным выводам не только относительно ареалов распространения тех или иных форм меток, но и происхождения и последующего изменения их назначений. В историко-этнографической литературе давно было обращено внимание на важность изучения меток и в ряде случаев были сделаны важные выводы (см., например, С. Броневский, Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе, ч. II, стр. 229 и сл.; Ц. Н. Бжания, указ. раб., стр. 69—77; В. М. Шамладзе, указ. раб., стр. 16 и др.).

⁴⁸ См. М. А. Скибницкий, указ. раб., стр. 22—26.

⁴⁹ Описание всех наиболее крупных скотопрогонных маршрутов Восточной Армении мы находим в трудах, помещенных в МУКЛЭПИСК.

⁵⁰ См. Ю. И. Мкртчян, Полевые этнографические материалы, папки № 1. 10—14, 2—3, 5—6, АОЭ.

⁵¹ См. там же, папка № 1, стр. 2, 16 и др.

⁵² См. там же, папка № 1, стр. 20, 32—34; 46.

⁵³ См. там же, папка № 8, стр. 53—55, 73 и др.

Значительный интерес представляют скотопрогонные маршруты третьей категории, так называемые «магистральные дороги», использовавшиеся скотоводами нескольких районов, нередко отстоявших друг от друга на несколько десятков километров. Это объясняется тем, что чуть ли не половина летних пастбищ Восточной Армении находилась в пользовании азербайджанских скотоводов, ежегодно пригонявших свой скот на летние пастбища Сюника, Тавуша, Лори и другие, и частично грузинских скотоводов (летние пастбища Лори и Ширака).

Традиционный скотопрогонный маршрут, по которому азербайджанские скотоводы переносили свой скот на летние пастбища Тавуша, пролегал по почтовой дороге Казах—Узунташа—Кавансара (г. Иджеван)—г. Дилижан, вдоль берега р. Агстев. От нее на различных участках отделялись менее значительные дороги (очень часто совпадавшие со скотопрогонными маршрутами второй категории), ведущие на горные пастбища, расположенные вправо от р. Агстев. И. Н. Калугин, описывая этот путь, указывал, что стада находились в пути 5–6 дней⁵⁴. Чабаны, ежегодно пригонявшие скот по одним и тем же маршрутам, заранее знали все места, пригодные для почевки скота.

По свидетельству А. А. Глазко, помимо этой главной дороги, были и другие: Довехская и Аксепаринская, ведущие на Акстафинские пастбища через земли жителей сс. Аксепара, Баганин и другие (все в пределах нынешнего Сюмберинского района), а также Шамнадинская, проходившая из нынешнего Таузского района Азербайджанской ССР на Мурузские пастбища⁵⁵ через земли армянских сельских обществ⁵⁶.

Аналогичные магистральные скотопрогонные маршруты существовали и в таких историко-этнографических районах, как Сюник, Джавахк, Лори, Арцах и др.⁵⁷ Однако дальние перегоны скота практиковали не только скотоводы других губерний Закавказья, но и кочевое и полукочевое население Араратской долины. А. А. Калантар писал, что курды и чобанкяринцы Араратской долины пользовались араратскими пастбищами. Главный путь

их пролегал по Апаранской дороге, через земли сс. Аштарак, Кучак, Апаран, Овит и др.⁵⁸

У армян на летовку поднимались пастухи, часть семей, преимущественно женщины и дети; большинство же населения оставалось в селении для выполнения различных полевых работ. Исследователи отмечали, что армяне «отправляют на эйлагп лишь женщин и караульных, рабочий же люд посещает эйлагп лишь в праздничные дни»⁵⁹. По выражению одного информатора, «на летовках оставались лишь те, кто доил скот, и те, кто держал мешочек»⁶⁰. От каждой семьи, отправлявшей свой скот на горные пастбища, на летовку поднималась или старшая в семье женщина (*ushungh-ghu*—тантхин), или же семья одного из братьев, на которого было возложено содержание скота.

Поднимавшиеся на горные пастбища крестьяне перевозили весь свой скarb на выюках, причем выючными животными служили не только лошади, ослы и мулы, но иногда и буйволы и коровы. Там же, где имелись приспособленные для колесного транспорта дороги, широко использовали для перевозки необходимых грузов (утварь молочного хозяйства, постельные принадлежности, запас продовольствия и, в отдельных безлесных районах, некоторый строительный материал) различные типы арб. Пница пастухов во время перегона скота на летние пастбища состояла из испеченного в толщине лаваша или другого хлеба и овечьего сыра. При длительном перегоне пастухи нередко доили овец в небольшую миску и пили молоко.

Достигнув горных пастбищ, где были расположены летовки⁶¹, каждая семья поселялась

⁵⁴ См. А. А. Калугин, Алагезские казенные летние пастбища..., стр. 97; С. П. Зелинский, Экон. быт гос. крестьян в Шорагале..., стр. 28. Карту скотопрогонных маршрутов Восточной Армении см. в книге «Естественные кормовые угодья Армянской ССР и пути откочевки скота», Ереван, 1937, стр. 22.

⁵⁵ См. А. А. Калантар, указ. раб., стр. 98; А. В. Парвицкий, Экон. быт гос. крестьян юго-западной части Новобаязетского уезда..., стр. 325–330; С. П. Зелинский, указ. раб., стр. 26–27.

⁵⁶ Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка №18, стр. 48, АОЭ.

⁶¹ Для понятия «летовка» армянами употреблялись два термина: *ushungh* (амарапон), арм., от слова амар—лето, что оукн. означает место летовки, и *ush* (сар, арм., букв. гора); причем следует отметить, что под этими понятиями подразумевалось не только собственно поселение, но и обширный район вокруг него. Нередко для понятия «летовка» (в узком смысле) употреблялись также термины неармянского происхождения, как: бина, оба, ург и др.

⁵⁴ См. И. Н. Калугин, указ. раб., стр. 195–200.

⁵⁵ Мурузские пастбища представляют собой огромный пастбищный район в южной части Тавуша, где были расположены десятки летних стоянок.

⁵⁶ См. А. А. Глазко, указ. раб., стр. 226 и сл.

⁵⁷ См. М. А. Скибинский, указ. раб., стр. 22–26; Х. А. Вермишев, Экон. быт гос. крестьян в Ахалцхском и Ахалкалакском уездах..., стр. 100–116 и др.

в своем доме. Под летовки отводились обычно ровные и сухие места, защищенные от ветров и имеющие поблизости родники или речку для воловога скота. В распоряжении жителей многих селений Тавуша, Лори, Арцаха, Вайоц-дзора, Сюника и др. было по несколько летовок, на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга⁶². Поднимавшиеся на летовки крестьяне имели свои традиционные места, поэтому не случайно, что названия значительного числа летовок происходят от имени тех скотовла-

стоящих помещений. Типы их варьировали в различных районах, в зависимости от местного материала и строительной техники, но повсюду возводились постоянные жилые и хозяйственные помещения, напоминавшие по своему внешнему виду те комплексы, которые возводились в основных поселениях (рис. 8).

Так, жители Ширака, Гехаркуника, Джавахка, части Вайоц-дзора и других безлесных зон строили прочные каменные постройки (սիրի տէն-сарп тун)⁶⁴, с плоской кровлей из

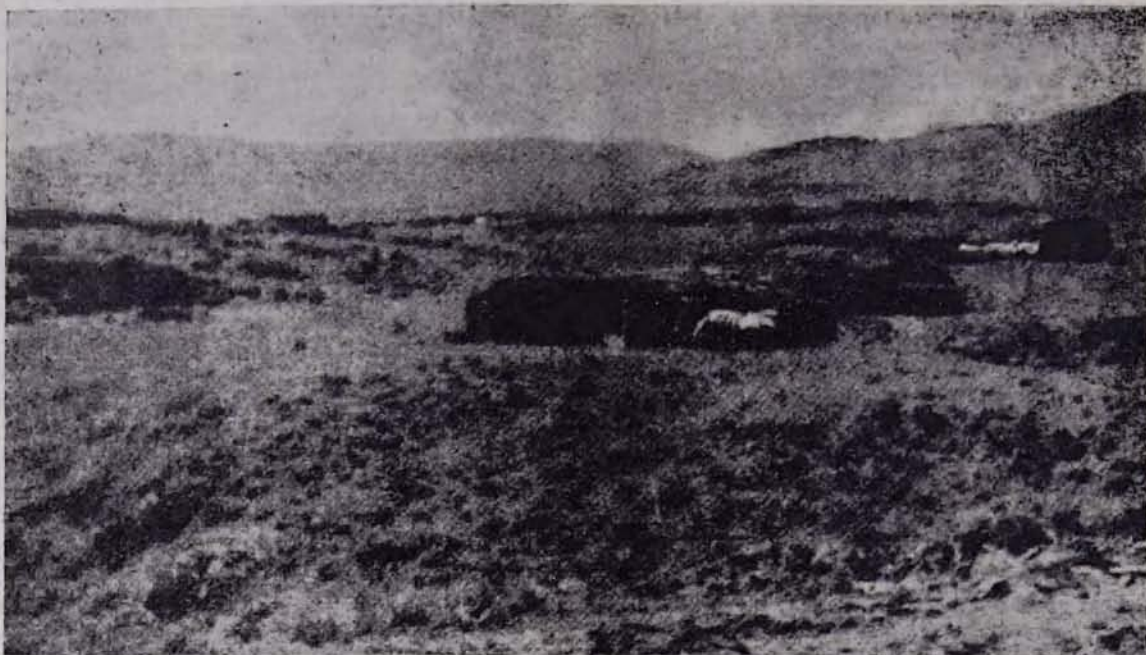

Рис. 8. Общий вид летовки Шадибулаг совхоза Ахта Разданского района, 1963 г.

дельцев, которые из года в год поселялись на одних и тех же летовках. Так, на летовках с. Шаали (пыпе Ваагни) различали: Кочманц бина, Вардманц бина, Оапанц бина, Каханц бина, Кодошанц бина; на летовках с. Гндеваз (Вайоц-дзор)—Мадон оба, Николи оба, Сакон оба, Тороси оба, Арсени оба, Киракоси оба, Епоки оба; на летовках с. Хачик (Вайоц-дзор)—Атиненц оба, Тазоец оба, Габон оба, Аванесенц оба, Гукасанц оба, Сагателенц оба; на летовках с. Чрахли (Ширак)—Мацон бина, Газаренц бина, Котаджанц бина, Воскананц бина, Хачосиц бина, Пахлеванац бина и др.⁶³

На летних пастбищах армяне жили в по-

жердей и, как правило, несколькими отделениями различного назначения. Подробное опи-

⁶⁴ Жилые помещения, возводившиеся на летовках, назывались по-разному: «сарп тун» (Ширак, Гехаркуник, Сюник, Лори и др.), «кацаран» (Лори, Тавуш), «ода» (Тавуш), «пон» (Вайоц-дзор), «колик» (Гехаркуник, Вайоц-дзор) и др. Сравнительные данные показывают, что наиболее распространенным из них был «сарп тун»—арм. букв. «горный дом» (или «летний дом»). Думается, не случайно армяне большей части Восточной Армении жилые помещения на летовках называли домом («тун»), точно так же, как и жилища в основных поселениях. Это является косвенным свидетельством того, что это были постоянные жилые помещения, использовавшиеся в течение многих лет, в отличие от временок, для обозначения которых армянами употреблялся целый ряд терминов как собственных, так и взятых у соседей (преимущественно курдов и азербайджанцев)—вран, дагы, алачух, чакмах-чибух, чадыр и др.

⁶² См. Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка №14, стр. 56; папка №8, стр. 78—79, АОЭ.

⁶³ См. там же, папка №7, стр. 81—82; папка №10, стр. 3—4; папка №14, стр. 56; папка №8, стр. 78—79.

данные типов летних построек армян Ширака приводятся в работе А. А. Калантара, который отмечал, что поселение это в ряде случаев состояло из пяти отделений⁶⁵. Первое — центральное отделение (тун) было предназначено для людей и для изготовления молочных продуктов; второе — «катнон» (молочная) — для отстоявания и хранения молочных продуктов и молока; третье — «ортаноц» (телятник) — для содержания телят и новорожденных ягнят и, наконец, четвертое — «агала» (пристроенное перед домом и некрытое сверху огороженное место) — служило для загона крупного рогатого скота на ночь. По описанию А. А. Калантара, существовало еще и отделение («маран» или «пааран»), предназначенное для хранения готовых молочных продуктов, однако собранные нами материалы, а также данные других источников, показывают, что помещения с пятью отделениями были редкостью в Шираке. Да и А. А. Калантар писал, что «фактически число отделений нередко бывает и меньше».⁶⁶ Интересно отметить, что и ныне на летовках Ширака, Гехаркушка, Джаваха и других можно встретить вышеописанный тип построек. Молочная и телятник обычно находились справа и слева от жилого отделения, но обязательно с внутренними сообщениями между ними, без дверей. Внутри жилого отделения устраивали сравнительно невысокие пары (1—1,1 м), на которые стелили шивовку, войлок и постельные принадлежности. Эти пары служили местом для сидения, столом, а ночью кроватью.

Другой тип построек мы встречаем на летовках Тавуша, Лори, Арпаха, большей части Сюника и Вайон-дзора. Здесь благодаря близости леса более широко использовалось дерево при строительстве жилых и хозяйственных помещений, а во многих случаях служило чуть ли не единственным строительным материалом. Эти помещения делились на три части (или отделения): одна — для людей, другая — для хранения молочных продуктов и третья — для телят⁶⁷. В противоположной от входа

части ода был устроен камин (бухар), где нагревали молоко и варили обед. Состоятельные хозяйства для содержания телят строили отдельные телятники.

Совершенно иную картину представляли летовки азербайджанцев и курдов, живших в переловных войлочных юртах и чадрах, выработанных в условиях кочевого и полукочевого быта. Последние в течение лета несколько раз местили места своих летовок и уже в силу этого не могли строить на стоянках постоянных каменных или деревянных помещений. На эту особенность указывали в свое время С. П. Зелинский, А. А. Калантар, Ф. Т. Марков, А. В. Парвицкий и др.⁶⁸ Характеризуя летовки различных народов Восточной Армении, С. П. Зелинский писал: «Стоянки (армян. — Ю. М.)... не имеют никакого сходства с юртами кочевых курдов и татар. Юрты последних обыкновенно состоят из шатров или кара-чадыров (черная палатка), раскинутых у горных ручейков, в прекрасных ущельях, или на неприступных высотах, а стоянки армян... представляют ряд селений с обыкновенными домами для жилья и помещениями для скота, с той лишь разницей, что жилища в этих яйлажных селениях проявляется только в летнее время... Поэтому слово «юрта»... надо понимать в смысле летних селений, расположенных в горных открытых местах».⁶⁹

В Восточной Армении известны случаи, когда часть азербайджанского населения, следуя примеру армян, строила на летовках постоянные жилища, как, например, жители с. Шихгаджи (ныне с. Шхаршик Таллинского района), Гидеваз и другие. Наоборот. На летовках Тавуша, Вайон-дзора, Сюника и других некоторые армянские семьи жили в передвижных жилищах, паподобие азербайджанских алачугов и дагя⁷⁰. У зажиточных крестьян они

ревявшую, в редких случаях дверной проем закрывали паласом.

⁶⁵ С. П. Зелинский, Экон. быт гос. крестьян в Шираке..., стр. 26; А. А. Калантар, Алагезские казенные летние пастбища..., стр. 98; А. В. Парвицкий, Экон. быт гос. крестьян юго-западной части Новобаязетского уезда..., стр. 326; Ф. Т. Марков, указ. раб., стр. 60—66.

⁶⁶ С. П. Зелинский, указ. раб., стр. 26.

⁷⁰ Временки типа алачуха или даги легко возводились, и их каждый год строили сызнова. Место для даги выбирали ровное, с небольшим скатом. Основным материалом служили жерди диаметром в 2—3 см (около 60—65 штук). Их заостряли с толстых концов и втыкали в землю по кругу, затем верхние концы связывали шерстяными штками — получалось строение в виде остова чума. Сверху покрывали войлоком, который предохранял людей как от дождя, так и от солнца. Войлок прикрывал только верхнюю часть, а нижняя половина строения прикрывалась ре-

⁶⁵ См. А. А. Калантар, Алагезские казенные летние пастбища..., стр. 100.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ При строительстве жилого помещения обыкновенно делали площадку (примерно 4 м длиной, 3 м шириной и 0,5 м глубиной) и параллельно стенкам на расстоянии 70—80 см в сторону от них вкапывали в землю столбы, имеющие радиальное срубленное суча. Эти четыре столба соединялись поперечными жердями (геран), промежуток между которыми закрывался тонкими жердями (парда). Затем таким же способом устраивали боковые стенки и, покрыв дворостом, накладывали дерн (чумб) и засыпали землей. Ода был готов. Дверь делали де-

достигали больших размеров. Внутри таких времянок, как правило, никаких перегородок не ставили, но различали два отделения: переднюю часть занимали жильцы, а задняя часть служила для хранения молочных продуктов и утвари молочного хозяйства. С одной стороны, налево от входа, привязывали на ночь к вбитым в землю кольям телят, а на противоположной стороне устраивали очаг.

На летних пастбищах скот держали в течение трех летних месяцев. Его группировали по полу и возрасту. Лioniадей во многих райо-

Во избежание вытаптывания отдельных пастбищных участков стравливали их не сразу, а частями: вначале скот пасли в одной части пастбищного массива, через неделю его переводили на другие участки, затем на третий и т. д.⁷²

С раннего утра начинался трудовой день на летовке. Стадо овец выводили на пастбище, а в 7—8 часов утра доили коров и буйволиц. Там, где практиковали двукратное доение овец, первый раз их пригоняли на место дойки в 10—11 часов, а второй раз—в 5—6 часов

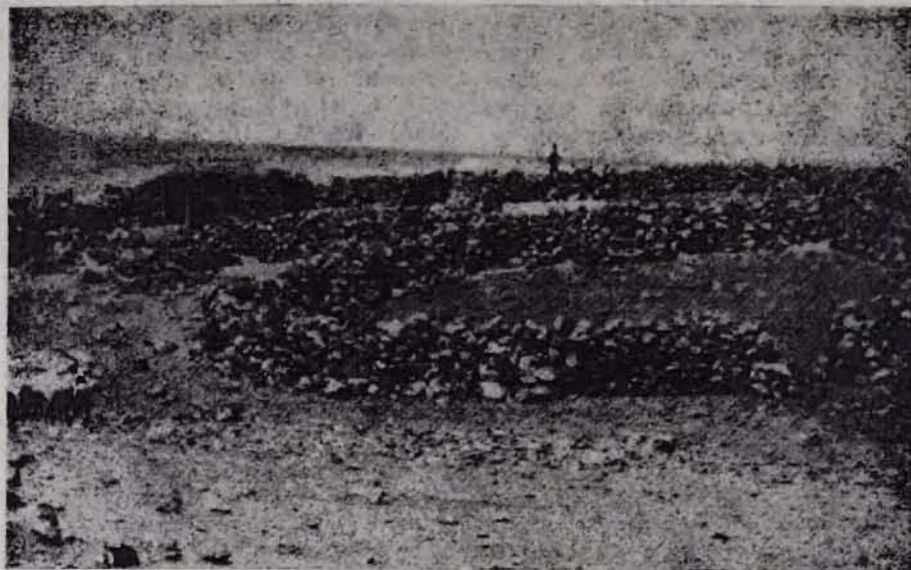

Рис. 9. Загоны для доения скота на летовке Агмаган сел. Лчашен Севанского района Арм. ССР, 1963 г.

пах Восточной Армении держали в стаде крупного рогатого скота, ввиду их непогочисленности⁷¹. Мулов и ослов держали отдельно, поскольку они, наряду с лошадьми, использовались для поддержания постоянных связей между селениями и летовками.

Местные скотоводы на летовке производили деление пастбищных участков по их качеству. Лучшие и ближайшие пастбищные места отводились под выпас дойного скота— коров, буйволиц и овец; гулевой же скот выпасали на более отдаленных и худших по качеству участках.

Щетками (чатап), сплетенными из камыша. К краям веноклов подвешивали тяжелые камни, чтобы его не сорвало ветром (см. *Н. Григоров*, указ. раб., стр. 87; *М. А. Скибницкий*, указ. раб., стр. 68).

⁷¹ В районах, где практиковалось табунное содержание лошадей, их пасли отдельно от других видов скота. На летних пастбищах они паслись без постоянного пастора, а осенью их пригоняли в низменные районы.

вечера, за час-полтора до пригона крупного рогатого скота; там же, где практиковали однократное доение, овец обычно доили в полдень. Для доения скота в ряде мест (Тавуш, Лорн, Сюник и др.) устраивались специальные загоны (*պարանիդ*—бератех) (рис. 9). Во время доения чабаи не позволяли проходить через

⁷² Следует отметить, что в последнее время из-за бесхозяйственного использования естественных кормовых угодий большие пространства горных пастбищ лишились ценных кормовых трав. Поэтому вопросы улучшения лугов и пастбищ имеют важное народнохозяйственное значение. Коренная перестройка всего пастбищного хозяйства должна осуществляться не только на основе современных достижений науки, но и опыта и знаний, приобретенных нашим народом на протяжении многовекового ведения скотоводческого хозяйства (подробнее см. *Ю. И. Мкртумян*, О культуре пашных пастбищ. Газ. «Коммунист» за 18 августа 1965 г.).

стадо с пустым кувшином, в противном случае овцы якобы перестали бы давать молоко⁷¹.

После доения стада ягнят и маток смешивали, с тем чтобы подкормить ягнят. Последние рассыпались по всему стаду, ища своих маток. Чабан, хорошо знавший своих собак, помогал ягнятам находить маток. А. А. Калантар писал, что «припуск ягнят со всем криком, шумом считается одним из славных моментов поэзии пастбищной жизни овцеводов»⁷².

Чабаны очень зорко и с помощью собак охраняли скот. При каждом стаде в 500—600 голов держали по 5—6 собак⁷³. Опытные чабаны проявляли особую заботу о собаках и нередко делились с ними последним куском хлеба. Хорошая собака была не только незаменимым стражем стада, но и помогала пастуху собирать его, что было особенно важно на отдаленных горных пастбищах, вдали от населенных мест. Интересно отметить, что армяне приписывали собаке способность «пагонять страх на злых духов», это нашло свое отражение и в пословицах и поговорках армянского народа⁷⁴.

По мнению опытных пастухов, для достижения хорошей упитанности овец, а также получения хороших удоев молока и шерсти шерсти необходимы были три условия. Во-первых, скот всегда должен был быть сыт, а для этого практиковали и почной выпас овец; во-вторых, место почной стоянки должно было быть сухим, так как холод и сырость самым неблагоприятным образом сказывались на продуктивности скота; в-третьих, место почной стоянки должно было быть просторным, если же овцы периодически загоняются в небольшие по размерам тырла, рост шерсти будет незначительным. В летний период овец несколько раз купали в речках и прудах, иначе шерсть скручивалась от грязи и плохо развивалась⁷⁵.

Заслуживают внимания и материалы, сви-

⁷¹ См., например, Г. Буятов, Из поверий, предсудков и народных примет армян Эмпадинского уезда, СМОМПК, вып. 17, 1893, стр. 191.

⁷² А. А. Калантар, Алагезские каменные летние пастбища..., стр. 115.

⁷³ Кормили собак два раза в сутки—по полудням и вечерам. В полдень давали, обыкновенно, отходы молочного хозяйства (сыворотку с молоком), а вечером—горячую болтушку из ячменной муки.

⁷⁴ См. К. С. Վահրաբյանի, указ. раб., стр. 53, 291 и др. Г. Ф. Чуркин также отмечал, что «армяне держат черную собаку в доме, чтобы отражать от пещетой силы детей» (см. Культ собаки у кавказских народов, «Бюллетень КНАН» Л., 1929, №5, стр. 28).

⁷⁵ См. К. П. Акртунян, Полевые этнографические материалы, папка №3, стр. 18—21, АОЭ.

детельствующие о наблюдательности местных скотоводов. Так, почти повсюду армяне считали, что молоко овец темной масти отличается большим содержанием жира, нежели молоко овец светлой масти. Наши информаторы объясняли это тем обстоятельством, что овца темной масти больше поглощает солнечных лучей, а потому и вырабатывает молоко большего количества и лучшего качества. На это обратил внимание и С. П. Зеллинский⁷⁶.

Так как содержание скота и ведение молочного хозяйства было основным занятием населения на летовке, то и весь распорядок дня строился в зависимости от условий, необходимых для ведения скотоводческого хозяйства. Примечательно, что на летовках, в отличие от селений, различное время дня называлось в соответствии с очередностью доения тех или иных видов скота. Так, на летовках Тавуша, Лори, Сюника и других весь день делился на следующие части: «մինչև արվելու կիրթը»—«минчев ырветва киты» (до утренней дойки, примерно до 7 ч. утра), «արվելու կիրթը»—«ырветва киты» (время утренней дойки, около 7—9 часов), «մինչև ըստիկի ժամը»—«минчев чашкит» (до полуденной дойки овец, между 10—12 часами дня), «ժամիկի ժամը»—«чашкити сто» (после полуденной дойки овец, между 1—3 часами дня), «ժամիկի ժամը»—«чашкити сто» (после полуденной дойки овец, между 4—5 часами), «իրիկի կիրթը»—«пригва киты» (время вечерней дойки коров и буйволиц, около 6—7 часов вечера), «իրիկի կիրթը»—«пригва кити сто» (после вечерней дойки, около 8—9 часов вечера)⁷⁷.

Однако армяне Ширака, Гехаркуника, Гавуша, Лори, Сюника, Арцаха и других на летовках занимались также и другими отраслями хозяйства. Так как на летовки поднимались у армян преимущественно женщины, то и производимые здесь работы были связаны, главным образом, с женским трудом. Обработка шерсти (мойка, расчесывание, прядение, окраска), примитивное ткачество, изготовление глиняных сосудов, выделка кожи и т. п. были обычным явлением на летовках армян. В лесных районах на летовках занимались нередко также пчеловодством и травосеянием. Так, крестьяне Вапоц-дзора, Сюника и других районов в местах летовок производили обновление дерна постепенной распахкой пастбищ, которые засевали многолетними растениями.

Летний сезон на пастбищах кончался в

⁷⁶ Он отмечал, что армяне Сюника лучшим считают молоко черной овец, так как «оно, по мнению местного населения, содержит в себе больше масла» (см. Эконом. быт гос. крестьян в Закавказском уезде..., стр. 100).

⁷⁷ Ю. П. Акртунян, Полевые этнографические материалы, папка №1, стр. 15—16, 25—26 и др. АОЭ.

начале сентября, когда завершались полевые работы в селении и наступали холода в горах. Чабаны стремились быстро спуститься с гор, ибо нога могла испортиться надолго и тогда перегон был бы сопряжен с большими трудностями, так как передвижение скота по размытым горным тропинкам, свисающим над глубокими ущельями, было опасным. Обычно спускались по тем же маршрутам, что и весной. Стада мелкого рогатого скота пригонялись в селение в последнюю очередь и спуск его с гор продолжался несколько дольше: в пути, где имелся достаточный подножный корм, останавливались некоторое время. Крупный рогатый скот перегонялся отдельно и его перегон длился не более одного-двух дней. Это, помимо всего прочего, объясняется и тем, что если доение мелкого скота к тому времени уже было прекращено, то доение крупного рогатого скота продолжалось вплоть до поздней осени. Да и особенности содержания крупного рогатого скота требовали доведения до минимума продолжительности его перегона. На летние пастбища перегонялся исключительно дойный скот и гулевой, рабочий же скот оставался в селении. Пасли его либо сами хозяева, либо специально нанятые для этого работники, точно так же, как и в районах оседлого содержания.

Интересно отметить, что целый ряд ширакских и арагацотских селений, перегонявших мелкий рогатый скот на раннеосенние пастбища Араратской долины, в летний период все виды скота содержали в районе оседлых поселений, что объяснялось в значительной степени отсутствием горных пастбищ, находившихся в распоряжении жителей других районов. По-видимому, это обстоятельство сыграло не последнюю роль в сложении той системы всепогодного содержания мелкого рогатого скота, которая была описана выше.

Осеннее содержание скота в интересующих нас районах происходило в районе селений—на выгонах, отавах, жнивьях, а в некоторых местах и в лесу. Так как в большинстве из них летнее содержание происходило на горных пастбищах, то значительная часть присельских пастбищ оставалась нетронутой и пригодной для осенней пастбы скота. Если в сентябре и октябре в нагорных селениях Арцаха, Тавуша, Лори, Сюника и других скот выпасали обыкновенно на северных склонах гор, покрытых достаточным подножным кормом, то в последующее время выпас скота производили на южных склонах, позже первых покрываемых снегом. С этой точки зрения интересна практика организации осеннего выпаса скота в селении Лерпанисп (Сюник). Присельские пастбища, расположенные в радиусе семи километров, подразделяли здесь на две ка-

тегории—«сар гюени» (на которых выпасали в начале осени) и «ара гюени» (на которых выпасали в позднеосенний период). Как правило, наиболее удаленные пастбищные участки составляли участки первой категории и перевод скота с одних пастбищ на другие производился всем селом одновременно⁸⁰.

Описанные в предыдущей главе характерные особенности осеннего содержания скота в целом присущи и районам отгонного скотоводства, по есть и некоторые специфические стороны.

Жители ряда селений Арагацотна и части Ширака (прилегающей к горной системе Арагац) в начале осени скот держали на присельских выгонах, жнивьях и отавах, а после случки скота в середине или второй половине октября отправляли его на позднеосенние пастбища, расположенные в предгорной и низменной частях Араратской долины. Это, собственно, те же пастбища, на которые население указанных селений переносило скот в марте—мае. Эти пастбища вплоть до января были пригодны для выпаса овец. Крестьяне предгорной и низменной частей Араратской долины (с. Аштарак, Сагмосаванк, Оганаванк, Ошакан, Паракар и др.) отдавали свои выгоны и жнивья под выпас овец жителям высокогорных районов за особую плату—по 5—6 коп. с каждой выпасаемой овцы. Пасли скот либо сами овцевладельцы, либо нанятые последними пастухи. Такая практика была взаимовыгодной: крестьяне высокогорных селений получали возможность выпасать своих овец в то время, когда их ближайшие присельские пастбища уже были покрыты глубоким снегом; крестьяне же сс. Аштарак, Ошакан, Сагмосаванк и других, державшие сравнительно незначительное количество мелкого рогатого скота⁸¹, получали двойную выгоду—их поля получали органическое удобрение и, кроме того, они взимали денежную плату за выпас скота, которая затем делилась между всеми членами сельского общества или же расходовалась на нужды общества.

Материалы показывают, что содержание скота на позднеосенних пастбищах, по сравнению с весенним содержанием, отличалось рядом особенностей. На осенние пастбища отправлялись стада, принадлежавшие группе скотоводов, которые объединялись для совместной организации выпаса скота. Это объединение

⁸⁰ См. Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка № 4, стр. 35—36, АОЭ.

⁸¹ Интересно отметить, что по данным Л. Е. Хан-Агова, в 80-х гг. в с. Аштарак не держали овец (см. его работу, стр. 369—371), и если допустить, что данные автора в какой-то степени не точны, все же они убедительно свидетельствуют о неразвитости овцеводства.

создавались после спуска с летовок, а в тех селениях, где отгон скота на летние пастбища не практиковался — перед припуском баранов, и сентября. В этот период панимали новых пастухов. Интересно, что как насм новых пастухов, так и смещение овец и молодняка данного года приурочивали по традиции к празднику *шурр-шур* (сурб хач — арм. букв св. креста), который отмечался обыкновенно в середине сентября. Этот праздник известен и под названием *пирин* (улиц. от слова «уль» — «козленок»), поскольку в этот день, как писал А. А. Калантар, «козлят особенным способом жарят и едят»⁸².

В селениях, где отгон мелкого рогатого скота на позднелесенные пастбища получил широкое распространение, нередко осенних пастухов панимали из числа курдов, на пастбища которых отправляли скот⁸³. В этом случае с 20 овец платили по одному агнецу, паре поршней и одному коту ячменя⁸⁴. В тех же селениях, где не практиковался отгон скота на отдаленные позднелесенные пастбища, осенняя пастба велась местными крестьянами, так как полевые работы к этому времени были завершены, и пастушество в данном случае служило дополнительным источником дохода для бедняцких семей. Иная была и плата за осеннюю пастбу скота на присельских пастбищах: по 10—15 коп. с головы выпасаемого скота.

В отличие от весеннего периода, осенью скотовладельцы не жили на сезонных пастбищах. Содержание скота и его охрана целиком были возложены на пастухов. Один-два раза в две недели овцевладельцы спускались на эти пастбища и интересовались состоянием скота. Слабых и больных овец пригоняли в селение, ставили на стойловое содержание и тщательно ухаживали за ними. В январе, когда позднелесенные пастбища покрывались снегом, овец пригоняли в селение и держали в овчарнях всю зиму, а к весне их вновь отгоняли на эти же пастбища, где и получали новый приплод.

Материалы показывают, что данная практика получила особое распространение в тех селениях, крестьяне которых были лишены возможности выпаса своего скота на летних пастбищах или имели очень ограниченные возможности. Здесь в течение всего лета скот содержался в районе основных поселений, поэтому к осени присельские пастбища уже были стравлены и возникала необходимость отгона

скота на удаленные позднелесенные пастбища Араратской долины. Правильно интересно, что если из селений, практиковавших летнее содержание всех или почти всех видов скота из горных пастбищ, на позднелесенные пастбища (магуньеры) отправляли овец лишь наиболее состоятельные хозяйства, имевшие более сотни голов скота (сс. Маралик, Азатан, Паник, Ором и др.), то из селений, жители которых имели мало летних пастбищ или вовсе были лишены их, на эти пастбища отправляли скот все овцевладельцы, включая и тех, которые имели всего несколько голов (сс. Гнаберд, Гехадир, Норащен, Варденут, Арагац, Касах, Пахкашен и др.)⁸⁵.

Эти данные, думается, указывают на зависимость осеннего содержания тех или иных видов скота от особенностей летнего содержания их. Однако осенний отгон на отдаленные пастбища не приводил к заметному изменению быта населения указанных селений. Это объясняется тем, что в большинстве случаев пастба скота поручалась наемным пастухам из числа курдов и азербайджанцев, как это имело место в селениях Ширака и Арагацотна.

• • •

Этнографическое изучение годового скотоводческого цикла дает наглядное представление о многообразии форм отгонного скотоводства в различных историко-этнографических районах Восточной Армении.

В одних, преимущественно безлесных горных районах (большая часть Ширака, Гехаркуника, Джавахка и др.), сложилось отгонное скотоводство альпийского типа, характерными чертами которого были: содержание всех видов скота в селении или поблизости от него в осенне-зимне-весенний периоды и отгон его (за исключением рабочего скота) на удаленные от села горные пастбища в летний период с переселением также некоторой части населения (преимущественно пастухов, женщин и детей), для содержания скота и ведения молочного хозяйства на летовке.

В других местах (часть Арагацотна и Ширака, примыкающая к горной системе Арагац) данная форма скотоводства отличалась целым рядом особенностей, которые позволяют выделить ее в особый подтип, характерными чертами которого были: стойловое содержание всех видов скота в селении в зимний период, отгон мелкого рогатого скота на ранневесенние и позднелесенные пастбища Араратской долины и летнее содержание скота либо на присельских пастбищах (как, например, в

⁸² А. А. Калантар, Алагезские казенные летние пастбища..., стр. 117.

⁸³ См. Ю. И. Мкртчян, Полевые этнографические материалы, папка №8, стр. 4—5; папка №17, стр. 38—39, АОЭ; А. А. Калантар, указ. раб., стр. 105—106.

⁸⁴ См. там же.

⁸⁵ См. Ю. И. Мкртчян, Полевые этнографические материалы, папка № 17, стр. 29—36; папка № 9, стр. 129—145, АОЭ.

сс. Дзораглух, Мравян, Чкпах, Цахкаовит, Сараландж, Туджур, Касах и др.), либо на горных пастбищах, расположенных на значительном удалении от основных поселений (как, например, в сс. Апаран, Варденут, Арагап, Артаван и др.). Этот подтип назван нами подтипом «агутнер», поскольку отгон скота на рапиевесенние и позднеосенние пастбища сложился здесь в систему содержания скота.

В третьих местах (Тавуш, Лорн, Сюник, часть Вайоц-дзора и другие) сложился своеобразный подтип отгонного скотоводства, характерными чертами которого были: содержание преобладающей части скота в зимовниках, устроенных на лесных полянах или южных склонах гор, удаленных от селения на сравнительно небольшое расстояние (от 2—3 до 10 км), где были возведены целые комплексы жилых и хозяйственных построек из камня и дерева; на ближайших пастбищных участках, в районе селений и зимовников в весенний и осенний периоды и на горных пастбищах в летний период. Содержание скота в зимовниках и летовках требовало также переселения части семьи, что, естественно, оказывало заметное влияние на весь быт местного населения. Этот подтип отгонного скотоводства назван нами подтипом «дзмераноц», ввиду большого хозяйственного значения здесь зимовников в годовом скотоводческом цикле.

Изучение форм скотоводства у армян выявляет зависимость годового скотоводческого цикла (при всех засвидетельствованных нами формах и подтипах скотоводства) от годового земледельческого цикла. Перевод скота на различные категории земельных участков обуславливался очередностью совершения полевых работ. Так, в зоне долинного подтипа оседлого скотоводства ранней весной скот выпасали на покосах, а после их заката—на паровых полях, с поднятием которых—на выгонах, вплоть до снятия сена с лугов и уборки урожая, когда скот вновь выпасали на отавах и жнивьях; в зоне отгонно-пастбищного скотоводства альпийского подтипа или подтипа «дзмераноц» после заката покосов и поднятия паров скот отгоняли на горные пастбища и пасли там вплоть до окончания полевых работ в селении.

У кочевых и полукочевых народов, практиковавших соответствующие формы скотоводства, как показывают литературные и полевые материалы, годового скотоводческого цикла исключительно находился в зависимости от времени года и природных условий, поэтому и время выхода на сезонные пастбища определялось возможностями выпаса скота на них. Если армянское население в районах отгонно-го скотоводства перегоняло свой скот на гор-

ные пастбища в конце мая—начале июня, то кочевые курды и азербайджанцы уже с ранней весны начинали передвижение на горные пастбища. Исследователи отмечали, что курды и азербайджанцы начинали передвижение, как только появлялся подпожный корм, которое продолжалось вплоть до наступления холодов⁸⁶.

Вопрос о времени сложения отгонной формы скотоводства (или весьма сходной с ней) на территории Армении и вообще в Закавказье в настоящее время, благодаря трудам археологов и, прежде всего, Б. Б. Пиотровского, в основном решен. Археологические материалы, добытые из поздних энеолитических поселений в Восточной Армении, позволили В. В. Пиотровскому прекрасно показать диалектику перерастания оседлой формы скотоводства в отгонную в предгорных и горных районах⁸⁷. Отгонная форма скотоводства, по мнению автора, является «закономерным следствием его развития в горных условиях»⁸⁸. Новая форма скотоводства складывается уже в середине III тыс. до н. э. и связывается В. В. Пиотровским с увеличением стада и постепенным использованием в связи с этим высокогорных пастбищ⁸⁹.

Со сложением этой формы скотоводства создались особенно благоприятные условия для развития мелкого рогатого скота, более всего приспособленного для отгонного содержания. Костный материал подтверждает это.⁹⁰ Содержание большого количества мелкого ро-

⁸⁶ См. Ф. Т. Марков, указ. раб., стр. 66; А. В. Парвицкий, Экон. быт гос. крестьян юго-западной части Новобаязетского уезда..., стр. 329; Х. А. Бермиев, Экон. быт гос. крестьян в Ахалцхском и Ахалкалакском уездах..., стр. 120; А. А. Калантар, Агагасские казенные летние пастбища..., стр. 26. А. А. Калантар писал, что «курды... оставляют свои зимовники с наступлением весны, около 10—12 марта и перекочевывают со своими стадами на пастбища, находящиеся в предгорьях и в прилегающих к ним покатым низменностям..., где остаются 30—70 дней... на Агагас поднимаются около 20 мая и располагаются в южных его частях, служащих яз-юртам или весенними пастбищами, где остаются 40—60 дней, а затем совершают новый подъем на более высокие участки, где могут еще остаться на 20—30 дней, после чего возвращаются на яз-юрты и затем спускаются к местам зимовки».

⁸⁷ См. Б. Б. Пиотровский, Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье, стр. 5—15; *то же*, Археология Закавказья..., стр. 40.

⁸⁸ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 148.

⁸⁹ См. Б. Б. Пиотровский, Развитие скотоводства..., стр. 6.

⁹⁰ См. там же; Н. Б. Арутюнян, Земледелие и скотоводство Урарту, стр. 177—196; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 181—182.

рогатого скота было характерно для районов отгонного скотоводства. Да и появление новых форм скотоводства Б. Б. Пиотровский связывает с увеличением поголовья мелкого рогатого скота⁹¹.

Заканчивая характеристику основных форм скотоводства у армян Восточной Армении, нам представляется вполне вероятным то положение, что историческое развитие скотоводства в Армении шло по двум основным направлениям. Одно направление заключалось в оседлом содержании скота (в низменных частях и наиболее высокогорных), при котором скотоводство достигает значительного развития лишь в связи с прогрессом в земледельческой культуре; второе направление — это сложение отгонной формы скотоводства (преимущественно в горных и предгорных районах), которое имело место уже в неолитическую эпоху, задолго до того как земледелие достиг-

ло такого уровня развития, чтобы обеспечить содержание значительного количества скота в условиях полной оседлости. Тенденции такого развития скотоводства в Армении наложили известный отпечаток и на виды разводимых животных. В низменных районах разводили те виды, которые более всего соответствовали нуждам комплексного полеводческо-садоводческого хозяйства, поэтому, если анализ костей различных видов скота, добытых из неолитических поселений Араратской долины, не позволяет считать один из видов скота преобладающим⁹², то анализ остеологического материала, добытого из доурартского поселения Кармир-блур и урартского города Тайшебани, свидетельствует о явном преобладании костей крупного рогатого скота над всеми остальными видами. Специфика местных природно-хозяйственных условий требовала известной специализации видов разводимых животных по отдельным экологическим зонам.

⁹¹ См. Б. Б. Пиотровский, *Археология Закавказья...*, стр. 40.

⁹² Б. Б. Пиотровский, *Развитие скотоводства...*, стр. 6.